



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501

EDN: FPUNBV

УДК 82.09

Научная статья / Research article

## Художественный синтез в романах А.А. Кима: жанр, стиль, метод

А.К. Асан<sup>1</sup>, И.Г. Минералова<sup>2</sup>, К.Р. Нургали<sup>1</sup>,  
К.Д. Асанов<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

<sup>2</sup>Московский педагогический государственный университет, Москва,  
Российская Федерация

<sup>3</sup>Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан  
akzhauyn07@gmail.com

**Аннотация.** Цель исследования заключается в выявлении доминантных черт стиля А. Кима, влияющих на формирование жанровых предпочтений писателя, определяемых исследователями в границах магического реализма. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: определить доминантные черты индивидуального стиля А. Кима; аргументировать жанровую многосоставность его прозы, а также жанрово-стилевые доминанты, указывающие на индивидуальность стиля писателя; объяснить функции приемов, априори считающихся исследователями чертами феномена «магический реализм». В результате, с опорой на литературу вопроса и труды современных исследователей, в статье уточнены некоторые существенные характеристики индивидуального стиля писателя: приемы формирования философского плана произведения или иллюзии философичности. Особое внимание уделено столкновению «далековатых идей» (М.Ю. Ломоносов), роли конфликта, его многоуровневости, отражающейся во внутренней форме прозаического целого. В статье рассматриваются специфические формы словесной живописи, влияющей на характер и многосоставность содержания. Выработанная в начале творческого пути манера (романы «Белка», «Отец-Лес», «Сбор грибов под музыку Баха» и др.) в позднем творчестве узнаваема и дает возможность судить не только о художественно-содержательной значимости творчества писателя, но и о том, насколько даровито он отражает актуальные проблемы своего времени.

**Ключевые слова:** метафоричность, стиль, синтез искусств, магический реализм

**Вклад авторов.** А.К. Асан – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание статьи. И.Г. Минералова – консультация по исследовательской части, редактирование рукописи, обработка данных. К.Р. Нургали – консультация по исследовательской части, сбор и обработка данных. К.Д. Асанов – сбор и обработка данных.

---

© Асан А.К., Минералова И.Г., Нургали К.Р., Асанов К.Д., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License  
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Заявление о конфликте интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**История статьи:** поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

**Для цитирования:** *Асан А.К., Минералова И.Г., Нурғали К.Р., Асанов К.Д.* Художественный синтез в романах А.А. Кима (жанр, стиль, метод) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 491–501. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501>

## Artistic synthesis in the novels of A.A. Kim (genre, style, method)

Akerke K. Assan<sup>1</sup>✉, Irina G. Mineralova<sup>2</sup>, Kadisha R. Nurgali<sup>1</sup>,  
Kamashke D. Asanov<sup>3</sup>

<sup>1</sup>*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

<sup>2</sup>*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

<sup>3</sup>*Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan*

✉[akzhauyn07@gmail.com](mailto:akzhauyn07@gmail.com)

**Abstract.** The aim of the paper is to identify the dominant features of A. Kim’s style that influence the formation of writer’s genre preferences, determined by researchers within the boundaries of magical realism. To achieve this goal, the following tasks were solved: to identify the dominant features of A. Kim’s individual style; to argue for the genre complexity of his prose as well as genre-style dominants indicating the individuality of writer’s style; to explain the functions of techniques, a priori considered by researchers to be features of the phenomenon of ‘magical realism’. As a result, based on the literature of the issue and the works of modern researchers, the article clarifies some essential features of writer’s individual style: techniques forming the philosophical plan of a work or the illusion of philosophies. Special attention is paid to the clash of ‘far-off ideas’ (M.Yu. Lomonosov), to the role of conflict, and its multilevel nature, reflected in the inner form of the prosaic whole. The article also focuses on the specific forms of verbal painting that affect the nature and complexity of the content. The manner developed at the beginning of A. Kim’s creative career (the novels “Squirrel”, “Father-Forest”, “Picking mushrooms to the music of Bach”, etc.) is recognizable in his later work and makes it possible to judge not only the artistic and meaningful significance of writer’s work, but also how well he reflects the current problems of his time.

**Keywords:** metaphoricity, style, synthesis of arts, magical realism

**Author’s contribution.** *A.K. Assan* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing. *I.G. Mineralova* – research consultation, editing the manuscript, data processing. *K.R. Nurgali* – research consultation, data collection and editing. *K.D. Asanov* – data collection and editing.

**Conflicts of interest.** The authors declare that there is no conflict of interest.

**Article history:** submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

**For citation:** Assan, A.K., Mineralova, I.G., Nurgali, K.R., & Asanov, K.D. (2024). Artistic synthesis in the novels of A.A. Kim (genre, style, method). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 491–501. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501>

## Введение

Пришедший в литературу двумя рассказами («Акварель» и «Шиповник Меко») в 1976 г., Анатолий Андреевич Ким (1939 г. р.) заявил о себе как автор книги «Голубой остров», где опубликована одна из его знаковых повестей «Собиратели трав». Его творческое наследие представлено сегодня более чем десятью повестями, девятью романами, а также художественными переводами, пьесами («Плач кукушки» (1984), «Прошло двести лет» (1986)) и т. д. Как переводчик он познакомил русскоязычных читателей с произведениями классиков казахской литературы, таких, как Мухтар Ауэзов («Путь Абая»), Оралхан Бокеев («Снежная девушка», «Крик») и др. Он является составителем документальной книги о судьбе корейцев, депортированных с Дальнего Востока в Среднюю Азию, в частности, в Казахстан («Туда, где кончается солнце»).

А.А. Ким, кореец по национальности, выросший в Казахстане и на Дальнем Востоке, несомненно, смог в своем творчестве отразить взаимодействие культурных кодов. Время вхождения его в литературу было периодом обновления и экспериментов в советской литературе, а потому позволило наиболее полно и многогранно отразить черты, характерные и для эпохи, и для его индивидуальности: внимание к ритму, строю прозы, глубокий интерес к словесным формам выражения национального мировидения и неординарное их соединение в прозе, создаваемой на русском языке. В его романном творчестве причудливым образом переплелись традиции русской классики, созерцательность и образная плотность корейской культуры, несомненная открытость азиатскому, русскому, европейскому, всемирному, видимая легкость и акварельность словесного живописания, импессионистичность наблюдений за человеком и природой.

Вряд ли в русской литературе последней трети XX в. и первых десятилетий XXI в. есть другой такой художник слова. Будучи человеком интересующимся изобразительным искусством (в начале своего творческого пути А.А. Ким учился Московском государственном художественном училище памяти 1905 г.), он с особенным вниманием и даже трепетом относится к музыкальной классике. Уже эти сведения позволяют исследователям обратить внимание на экспериментаторский, как представлялось даже первым его критикам, характер прозы писателя, которая напоминала о творческих поисках русского авангарда, в частности, Велимира Хлебникова. Не случайно писатель часто сам оформляет и иллюстрирует свои книги.

## Жанрово-стилевые эксперименты в прозе А.А. Кима

Велик соблазн, исследуя прозу писателя, толковать особенности стиля исходя из описательной фактуры произведения, упоминания мест, где разворачиваются события или над которыми размышляет герой и/или

автор (Дальний Восток, Сибирь, Средняя Азия и др.). Напомним, что над природой и человеком на Дальнем Востоке размышлял В.К. Арсеньев в книгах, которые называют приключенческими и документально-этнографическими: «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923). М.М. Пришвин посвятил свою повесть-поэму «Женьшень» (1932) мировидению русского и китайца, по-разному, но любовно представляющих свою «Арсею»-Россию. По-другому видел Дальний Восток А.А. Фадеев в своих романах «Разгром» (1926) и «Последний из удегэ» (1966), создавая социально-политические, нравственно-психологические полотна истории этого края.

Справедливо будет сказать, что описываемое писателем пространство лишь отчасти характеризует его стиль, и в своей манере письма А.А. Ким ближе всего к М.М. Пришвину, в котором, как правило, исследователи видят философа и поэта, но никогда – авангардиста. Априорные клише вроде «авангардист», «постмодернист», «мифотворец», применяемые к стилю А.А. Кима, скорее искажают его собственный вклад в историю русской литературы, чем разъясняют тайны его письма.

В 1984 г. выходит его первый роман «Белка: роман-сказка», и он совершенно не похож на предшествующие образцовые романы-сказки, например, на «Трех толстяков» (1924) Ю.К. Олеши. В «сказке» А.А. Кима, написанной на русском языке, нет попыток отразить сказовую манеру в синтаксисе, но есть будто бы характерный набор героев (человек и зверь), есть превращение человека в зверя и зверя в человека, есть аллегорическое переосмысление образа любви, условий любви, времени любви и свободы. И тут следует обратить внимание на эпиграф к роману «Белка»: это строка из «Сказки о царе Салтане...» А.С. Пушкина «Белка песенки поет...». В эпиграфе одновременно даны подсказки жанра и образно-смысловых коллизий (превращений, любви, красоты, смерти) и своеобразная, ставшая модной в литературе игра с читателем.

Животные в сюжете «Белки» амбивалентны, они будто бы олицетворяют зло, тогда как добро изображается через людей искусства, однако автор никогда в своих размышлениях не дает однозначного ответа, утверждая при этом, что творчество поднимает внутренний мир на высокий уровень боли, любви и свободы, ведомых и отдельному существу, и человечеству в целом. Наличие всех этих условно-сказочных компонентов формирует поэтическую, фантастическую и философскую внутреннюю форму. Ни одна линия не отменяет другую, не становится главенствующей над другой, органически объединяя все указанные уровни и планы описания и повествования.

В формировании полижанровости прозы А.А. Кима участвует много-составность конфликта. Как справедливо указывает А.Г. Коваленко, «герой... чувствует в себе “зло”, а в свою очередь это “зло” есть следствие несовершенства окружающего мира. При этом двоение есть уже предпосылка к нравственному очищению, к восстановлению целостности

сознания» (Коваленко, 2010, с. 309). Гетерофония образов усиливает ассоциативно-поэтический план всего строя произведения. Именно эти черты стиля писателя вызывают и сегодня разные, порой диаметрально противоположные исследовательские характеристики. Так, например, А.И. Смирнова относит произведения А.А. Кима к натурофилософской прозе (Смирнова, 2009, с. 196), а Э.А. Бальбуров отмечает космические традиции в поэтике исследуемого автора (Бальбуров, 1997, с. 7). Так происходит, по всей видимости, потому, что в каждом конкретном случае литературовед берет за точку отсчета какую-то одну из жанровых линий, тогда как писатель в произведении запечатлевает «особый ход мысли, присущий данному автору, особый ход художественных ассоциаций, ему присущий» (Минералов, 1999, с. 20), и в нем не дискретны, не разрознены, а соединены и даже переплавлены восточно-азиатское мирозерцание и христианское не как догмат или учение богословов, житейская мудрость, — запечатленные в речи, в том числе художественной речи писателей-предшественников, в слоге, синтаксисе.

Многие мотивы и жанровые линии, заданные в «Белке», получили свое развитие в романе-притче «Отец-Лес» (1989). Автор говорит следующее о своем замысле: «В романе я попытался сказать о таких качествах человека, с которыми человеческий мир во вселенной не имеет права, не имеет возможности продолжаться в будущем <...> Главное, о чем мне хотелось сказать, это о суицидальных, самоубийственных началах в человечестве» (Ким, Шкловский, 1990, с. 53). Это произведение сложнее по составу персонажей, но уже устоявшийся конфликт цивилизации и природы, по-особенному варьирующийся у советских писателей в 1960–1980-е гг., разворачивает образ, жизнестроительно и философично представленный у мастера Л.М. Леонова — «Русский лес» (1953), раздвигая символические границы, как и должно в притче: Отец-Лес.

Размышляя над динамикой жанров А.А. Кима, исследователи В. Бондаренко (Бондаренко, 1981) и М. Белонучкина (Белонучкина, 2009) дают следующую периодизацию творчества писателя:

1. период восточной экзотики («Невеста Моря», «Бродяги Сахалина», «Шиповник Меко») — рассказы, написанные до 1975 г.;
2. бытовая проза («Луковое поле», «Поклон одуванчику») — повести и рассказы, написанные до 1980 г.;
3. пантеистическое видение мира («Белка», «Лотос», «Отец-лес») — повести и романы 1980-х гг.;
4. христианское мирозерцание («Онлирия», «Сбор грибов под музыку Баха», «Остров Ионы») — произведения с 90-х гг. XX столетия по настоящий день.

С такими определениями трудно согласиться, поскольку в них очевидно явное упрощение сложной содержательной фактуры прозы писателя, а такие характеристики, как «бытовая проза» или «период восточной экзотики» выдают терминологическую небрежность, оборачивающуюся

грубыми филологическими ошибками, а потому требуют объяснений того, как личность писателя А.А. Кима по-разному, но с выраженным стремлением к синтезу жанров и художественному синтезу (синтезу искусств) претворяется и в рассказах, и в крупномасштабной прозе.

### **Автобиографический компонент в прозе А.А. Кима и фантасмагорической автобиографии «Радости Рая»**

Вопрос авторского присутствия в произведении по-разному решается писателями и исследователями. И.С. Тургенев утверждал, что все в его произведениях списано с самой жизни, И.А. Бунин говорил, что все им сочинено от начала до конца. Исследователи же наблюдают за тем, как парафразируются и даже трансформируются события личной жизни и личные переживания в художественной словесности у всякого мастера слова. Несомненно, автобиографический компонент в прозе Анатолия Кима проявляется практически всегда с первых произведений своеобразно и многогранно:

- описанием и осмыслением личного хронотопа;
- эпизодами или фрагментами истории собственной родословной;
- возвращением к личным воспоминаниям разных жизненных эпизодов и встреч;
- возвращением к излюбленным философским вопросам, проходящим через всю жизнь и все творчество и волнующих писателя и сегодня.

И в данном случае А.А. Ким не исключение из правила, его «личное» маркировано присутствием автора-повествователя и одновременно героя-мыслителя и даже лирико-иронического героя. По справедливости, следует сказать, что от первого романа до «Радостей Рая» автобиографическое составляет художественно-содержательное ядро романа, через него реализуются все уровни конфликта: конфликт с самим собой, с социумом (он, социум, в свою очередь, тоже не линейен, это и друг, любимая, среда вообще, круг друзей и знакомых, человеческое сообщество), с мирозданием. Герой одномоментно несет в себе память и прапамять, историю до-жизни, жизнь во всем ее многообразии и даже то, что видится как после-жизнь. Несомненно, автобиографичность в данном случае – авторская фантазия, создающая фантастический план произведения, сновидческую линию, но, определенный самим автором как фантасмагорическая автобиография, роман отсылает к приемам фантасмагии, когда возникают призраки, создаваемые благодаря оптическим иллюзиям.

«А.А. Ким в своем последнем романе продолжает собственную стилевую традицию, впрочем, подхваченную у Валентина Катаева, в 1960–1970-х гг. апробировавшего «мовизм» (термин В. Катаева. – *И.М.*), в котором он прихотливо поэтически-лирически соединил поэзию и прозу, поскольку в этом соединении есть и произвол автора, и возможность

соединить изобразительно-живописное и лирически-музыкальное» (Минералова, 2020, с. 224). Когда обращаются к генезису стиля А.А. Кима, то ищут истоки в литературе зарубежной, латиноамериканской, по-видимому, из-за того, что едва ли не самым модным определением его стиля оказывается магический реализм. Однако истоки такого слога нужно искать в истории русской культуры, в опытах символистов и тех, кто наследовал экспериментам рубежа XIX–XX вв. А.А. Блок признавался: «Мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий, моим „анатомическим театром“, или балаганом, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами (ессе homo!). Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан – мое сердце, все в нем равно волшебное: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское декадентство). Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я (лично) называю „Незнакомкой“: красавица кукла, синий призрак, земное чудо» (Блок, 1962, с. 429–430). Об этих приемах пишет задолго до А.А. Блока И.С. Тургенев в «Песни торжествующей любви», утверждая особую магическую и фантазмагорическую силу живописи и музыки, объединенных магией слова (Тургенев, 1982, с. 66). Из опыта европейского искусства, искусства античности теоретик изобразительного искусства и художник В.А. Фаворский выводит формулу магического реализма: «Все это – искусство, обладающее магическим реализмом, как бы чудесное искусство, делающее все до того реальным, что оно становится живым» (Фаворский, 1988, с. 227). Так, приемы фантазмагорического оказываются синонимичны магическому реализму, делающему вымышленное реально живым и живущим. Следует иметь в виду, что магический реализм – метафора, которая в разных искусствоведческих системах может пониматься сколь угодно широко, а вот способы достижения этого оживления «сущего» представляются тоже известными с достопамятных времен.

Обращение к многоаспектному синтезу искусств и жанров в изображении лично пережитого и осмысленного с умонепостижимым, невыразимым приводит к ожидаемому эффекту: образ становится кристаллически-объемным, достигается искомый «оптический эффект». Даже разноуровневое автобиографическое содержание зримо характеризует это явление. Фантазмагорическая автобиография «оживает» в названии произведения. Какого эффекта достигает писатель, называя роман «Радости Рая»? Толкование каждого слова названия отдельно или словосочетания в целом вряд ли позволит понять и замысел романа, и его реализацию. Прочитав название «Радости Рая», можно открыть некий образный и ритмико-мелодический смысл. Дополнительные ассоциации порождает «удвоение слога „ра“», а внутренняя форма романа организуется благодаря тому, что «образно-мелодическая „картинка“ возникла в памяти

А.А. Кима... благодаря исполнению... романа в кинофильме Н.С. Михалкова „Жестокий романс“» (Минералова, 2020, с. 229):

Он говорил мне: «Будь ты моею,  
И стану жить я, страстью *сгорая*<sup>1</sup>;  
Прелесть улыбки, нега во взоре  
Мне обещают *радости рая*».

Романс из популярного фильма, вышедшего в 1984 г., был у всех буквально на слуху, а образ «радости рая» воспринимался мелодраматически и виделся как притягательный и амбивалентный, содержащий не только радостный, но и элегический смысл, наличествующий в тексте стихотворения. Ассоциативно эти значения пролонгированы в романе. Дополнительную интригу создает парадоксальный эпиграф к роману: «Началось с того, что пришли слова: между Александром и мною ничего нет» (Ким, 2018, с. 5). В романе мы встретим персонажей с именем Александр: это и Александр Македонский, и император Александр III, и, как ни удивительно, прадед писателя-корейца.

Так рождается фантазмагорическое, странным оптическим образом отраженное в личной и всемирной истории, наделенное магическими смыслами, делающее историю разворачивающейся на твоих глазах здесь и сейчас. К подобным приемам прибегает автор, давая своему герою имя Аким, в котором будто бы первая буква имени слита с фамилией автора романа, а, с другой стороны, напоминает имя Иоаким, означающее «воздвигнутый Богом» (писатель крещен в православной церкви: по свидетельству самого А.А. Кима, совершить обряд его побудил друг-актер Иннокентий Смоктуновский). Как видим, многогранность, взаимоотраженность и взаимодополняемость смыслов даже в приведенных примерах показывает, что автор намеренно создает текст полижанровый и полифонический, и произведение находится в ряду тех, которым он давал дополнительные жанровые определения, как, например, названным выше произведениям или роману «Сбор грибов под музыку Баха» — роман-мистерия. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что написанное А.А. Кимом невозможно читать как традиционную классическую прозу. Каждое его произведение оказывается и романом-загадкой, и романом-игрой, и романом-феерией, драматическим действием, разворачивающимся на глазах читателя.

## Заключение

В романах А.А. Кима, художника, имеющего разноаспектный опыт в живописи, кинематографе, словесности, склонного к философической созерцательности, объединившего в своем стиле азиатское, европейское и собственно русское, несомненно стремление разом объяснить человеку

<sup>1</sup> Здесь и далее курсив мой. — И.М.

жизнь мироздания в нем самом и вовне во всей сложности и многогранности переживаемого и пережитого.

«Память жанра» (М.М. Бахтин), подчеркиваемая писателем в его прозе дополнением «сказка», «притча», «мистерия», «фантазмагорическая автобиография» направляет мысль читателя по воображаемым и фантастическим путям, соединенным с дорогами путника-странника-путешественника, которому дороги и любопытны земные человеческие пути. Свободное сочетание приемов внутри прозаической формы позволяет включить и высветить целый ряд мотивных линий, намечающих линии жанровые (фантастическую, историческую, социально-психологическую, любовную, лирическую, автобиографическую, философскую и др.), которые только вкуче через синтез дают представление о качестве прозы уникального художника слова.

Герой-повествователь у А.А. Кима — образ, меняющийся от эпизода к эпизоду, но эта внутренняя перемена ментальна и диалектична, переменны представлены в произведении по накопительному принципу: единожды произошедшее не будет отменено впоследствии, а сыграет свою роль в динамике его становления и преображения мира. В создании содержания романа все играет роль: вектор раскодирования названия произведения, его связь с эпитафией и фиксацией авторского жанра, наличие имени героя или героев, их семантика, характер связи событий (хронологический, произвольный или ахронный). Комплекс таких приемов при создании романного целого неизменно приводит к синтезу жанров, направленному на создание эффекта живого участия в судьбе героя или проживания психологического тренинга в постижении философско-фантастических смыслов, важных для писателя: «...И в это зимнее мгновение все завершено Великим Колористом — цвета приведены к *созвучной гамме*, контрасты тона выверены *точным чувством меры*, и даже радость белых куропаток, которых не удалось поймать лисе, сопряжена в *гармонии единой* с голодной злобой и печалью зверя» (Ким, 1988, с. 284). Так точно и вполне преднамеренно объясняет свой стиль А.А. Ким в романе «Лотос».

Несомненно, перспективно исследование стиля А.А. Кима в его восприятии опыта В.П. Катаева-мовиста и М.М. Пришвина в дневниках и «Женьшене» и/или полемика с названными писателями по вопросам жанра, синтеза искусств, приемов перемещения во времени, представлений о себе и о мире, запечатленных в слове.

### Список литературы

- Блок А.А. О современном состоянии русского символизма // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 5: Проза, 1903–1917. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. С. 425–436.
- Бальбуров Э.А. Поэтический космос А. Кима // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. Новосибирск. 1997. № 4. С. 17–24.

- Белонучкина М.Д. Бинарные оппозиции в прозе А. Кима 1990–2000-х годов // Русское литературоведение на современном этапе: материалы VII Международной научной конференции. М.: Редакционно-издательский центр МГГУ, 2009. С. 290–292.
- Бондаренко В.Г. Найти «Голубой остров»: А. Ким: мир будничный и мир условный // Литературная учеба. 1981. № 2. С. 122–128.
- Ким А.А. Избранное. М.: Советский писатель, 1988. 720 с.
- Ким А.А. Радости рая. М.: Эксмо, 2018. 232 с.
- Ким А., Шкловский Е. В поисках гармонии // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 53–58.
- Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии. Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 496 с.
- Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. Поэтика и индивидуальность. М.: Владос, 1999. 360 с.
- Минералова И.Г. Мгновение – вечность – история в самосознании человека (на материале русской прозы конца 2010-х гг.) // Национальный стиль русской литературной классики: материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции. М.: Изд-во МГПУ, 2020. С. 224–235.
- Попова А.В. Модификация романной формы в прозе А. Кима (на материале романов «Белка», «Отец-Лес», «Поселок кентавров» // Дергачевские чтения – 2008: материалы IX Международной научной конференции. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 199–209.
- Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука. 2009. 288 с.
- Тургенев И.С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10: Повести и рассказы, 1881–1883. Стихотворения в прозе, 1878–1883. Произведения разных годов. М.: Наука, 1982. С. 47–66.
- Фаворский В.А. Магический реализм / сост. Е.Б. Мурина, Д.Д. Чебанова // Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988. С. 227–231.

## References

- Blok, A.A. (1962). On the current state of Russian symbolism. In: Blok A.A. *Collected works: in 8 vols.* Vol. 5: Prose, 1903–1917. Moscow, Leningrad: State Publ. House of Fiction. P. 425–436. (In Russ.)
- Balbuurov, E.A. (1997). Poetic cosmos of A. Kim. *Humanities in Siberia (“Philology” Series)*, 4, 17–24. (In Russ.)
- Belonuchkina, M.D. (2009). Binary oppositions in the prose of A. Kim of 1990s–2000s. In: *Proceedings of the VII International conference “Russian literary studies at the present stage”*. Moscow: Moscow State University for Humanities Publ. P. 290–292. (In Russ.)
- Bondarenko, V.G. (1981). To find the “Blue Island”: A. Kim: the everyday world and the conditional world. *Literary Studies*, 2, 122–128. (In Russ.)
- Favorsky, V.A. (1988). Magical realism. In: Murina E.B., Chebanova D.D. (comps.) Favorsky V.A. *Literary and theoretical heritage*. Moscow: Soviet artist. P. 227–231. (In Russ.)
- Kim, A.A. (1988). *Favorites*. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
- Kim, A.A. (2018). *The joys of paradise*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Kim, A., & Shklovsky, E. (1990). In search of harmony. *Literary Review*, 6, 53–58. (In Russ.)
- Kovalenko, A.G. (2010). *Essays on artistic conflictology. Antinomianism and the binary archetype in Russian literature of the 20th century*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)

- Mineralov, Yu.I. (1999). *Theory of artistic literature. Poetics and individuality*. Moscow: Vlos. (In Russ.)
- Mineralova, I.G. (2020). Moment – eternity – history in human self-consciousness (based on the material of Russian prose of the late 2010s). In: *Proceedings of the V Interuniversity scientific and practical conference with international participation “National style of Russian literary classics”*. Moscow: Moscow City University Publ. P. 224–235. (In Russ.)
- Попова, А.В. (2009). Modification of the novel form in the prose of A. Kim (based on the novels “Squirrel”, “Father Forest”, “Village of Centaurs”). In: *Proceedings of the IX International scientific conference “Dergachev Readings – 2008”*. Vol. 2. Yekaterinburg: Ural University Publ. P. 199–209. (In Russ.)
- Smirnova, A.I. (2009). *Russian natural philosophical prose of the second half of the 20th century*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1982). The Song of love triumphant. In: Turgenev I.S. *The complete collection of works and letters: in 30 vols*. Vol. 10: Novels and stories, 1881–1883. Poems in prose, 1878–1883. Works of different years. Moscow: Nauka. P. 47–66.

### Сведения об авторах:

*Асан Акерке*, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, филологический факультет, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0009-0005-3050-8723. E-mail: akzhauyn07@gmail.com

*Минералова Ирина Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв., Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0002-3836-1368. E-mail: ig.mineralova@mpgu.su

*Нурғали Кадиша Рустембековна*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, филологический факультет, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-8178-2782. E-mail: nurgalik1@mai.ru

*Асанов Камашке Даулетканович*, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, филологический факультет, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская, д. 28. ORCID: 0000-0002-1006-4521. E-mail: kamashke\_64@inbox.ru

### Bio notes:

*Akerke K. Assan*, M.A., Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayeva St, Astana, 010008, Kazakhstan. ORCID: 0009-0005-3050-8723. E-mail: akzhauyn07@gmail.com

*Irina G. Mineralova*, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th–21st Centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3836-1368. E-mail: ig.mineralova@mpgu.su

*Kadisha R. Nurgali*, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Philology, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayeva St, Astana, 010008, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-8178-2782. E-mail: nurgalik1@mai.ru

*Kamashke D. Asanov*, Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Faculty of Philology, Karaganda Buketov University, 28 Universitetskaya St, Karaganda, 100028, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1006-4521. E-mail: kamashke\_64@inbox.ru